

Н. А. Мукимова, Финно-угорские заимствования в башкирском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Уфа 2014. 215 с.

В декабре 2014 г. в Уфе состоялась защита кандидатской диссертации Н. А. Мукимовой на тему «Финно-угорские заимствования в башкирском языке». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук, профессор В. К. Кельмаков (Ижевск) и кандидат филологических наук Г. Н. Ягафарова (Уфа).

Известно многовековое контактирование тюркских (татарского, чувашского и башкирского) и восточнофинских (пермских, марийских и мордовских) языков в Волго-Камском языковом союзе. Исследование взаимовлияния языков разных семей в пределах этого союза имеет длительную историю, причем долгое время оно велось в одном направлении — воздействие тюркских языков на финно-угорские (Тараканов 1981; 1982; 1993; Csúcs 1990; Исанбаев 1989; 1994; Бутылов 2005). Лишь в последнее время тюркологи в трудах на монографическом уровне обратились к воздействию финно-угорских языков на тюркские: Г. В. Лукоянов (о марийских заимствованиях в чувашском языке (1973)), И. Н. Насипов (о финно-угорских, марийских, мордовских, удмуртских заимствованиях в татарском (2009а; 2009б; 2013а; 2013б)). Исследование Н. А. Мукимовой восполняет существовавшую лауну в рассматриваемом ряду.

Рецензируемая работа состоит из введения, трех глав, заключения, списков литературы, источников и сокращений названий языков и диалектов.

Первая глава «Теоретические предпосылки исследования башкирско-финно-угорских языковых взаимосвязей» (с. 15—56) посвящена проблемам истории башкирского народа и башкирского языкознания, таким как этногенетические связи башкир с некоторыми финно-угорскими народами, изучение взаимосвязей финно-угорских языков с башкирским и некоторыми другими тюркскими языками, субстратный и

суперстратный характер конкретных финно-угорских лексических элементов в башкирском языке и т. д. Здесь же автор представляет критерии для верификации финно-угризмов в башкирской лексике: «1) этимологическое решение — восстановление корня-основы; 2) семантическая идентичность; 3) фонетическое совпадение в соответствии с определенными параллелями; 4) функционирование слова в литературном языке или диалекте; 5) ареальное распространение» (с. 54).¹ Однако не все критерии, как мне кажется, достаточно полно использованы в работе, чем обусловлены некоторые спорные или ошибочные этимологии. Сказанное относится в первую очередь к фонетическому критерию, по мнению специалистов, важнейшему в исследованиях этимологического характера.

Основу исследования, вне всякого сомнения, составляет вторая глава — «Систематизация лексических единиц финно-угорского происхождения в башкирском литературном языке и его диалектах» (с. 57—151). В ней впервые в таком количестве представлены предполагаемые финно-угорские лексические заимствования в башкирском языке, почерпнутые из самых разных источников. Приятно удивляет большое количество теоретических работ и языковых источников, особенно по башкирской лексикологии и лексикографии, публикаций по отраслевой лексике, топонимике и т. п., а также по тюркологии, финно-угроведению, русистике, использованные Н. А. Мукимовой. При этом рецензента подкупает и то, что почти каждая словарная статья составлена с привлечением множества источников и публикаций, например, в

¹ В работах других исследователей (Откупщиков 2005 : 192; Шелепова 2007 : 21—22) предлагаются иные критерии: фонетический, словообразовательный и семантический.

словарной статье *кэрэз* 'соты' учтено 13 исследований и источников, в статье *һөйән* 'липовое дерево со снятой корой' — 16, в статье *шабала* 'лопатка, которой очищают лемех во время пахоты; предплужник' — 19, в статье *ширзек* 'свадебная кошма; основа кресла' — 25 и т. д. Такой корпус словарных статей в 109 единиц, даже если и не все этимологии достаточно надежны, может стать исходным для дальнейших исследований.

В этой же главе автор распределяет финно-угорские заимствования в зависимости от предполагаемых источников на семь групп: 1) из пермских (удмуртского и коми) языков — 35 лексических единиц; 2) из марийского языка — 28; 3) из мордовских (эрзя и мокша) — 8; 4) из марийского или пермских — 8; 5) из марийского или мордовских — одно; 6) из мордовских или удмуртского — 3 слова; 7) общефинно-угорского характера — 12 (с. 125—143). В «Выводах» же к данной главе из общего списка еще несколько слов отведены на другие группы: 1) семь из урало-алтайского наследия; 2) три являются тюркскими заимствованиями в финно-угорских (с. 151). Однако моя — возможно не совсем тщательная — арифметика несколько меня подвела: при суммировании слов из всех перечисленных групп получилось 104 слова против 109 словарных статей.

Третья глава («Лингвистические особенности финно-угорских заимствований в башкирском литературном языке и его диалектах» (с. 152—183) относительно небольшая, но здесь рассмотрен ряд серьезных проблем, касающихся освоения финно-угорских лексических элементов системой башкирского литературного языка и диалектов. Автор отмечает, что почти половина лексических заимствований функционирует не только в отдельных диалектах, но и в литературном языке. Интересно сравнить: финно-угризмы в татарском языке, в отличие от башкирского, являются достоинством преимущественно диалектов. Относительно распространения диалектных заимствований из удмуртского и марийского языков в основном говорами северо-запад-

ного диалекта автор справедливо замечает, что это отражение этногенетической и ареальной соотнесенности контактирования башкирского языка с указанными восточнофинскими (с. 182). В лексико-семантическом отношении заимствованная из финно-угорских языков лексика четко распределяется по семантическим полям «Природа», «Человек» и «Общество». Среди заимствований нет слов, «относящихся к космосу и атмосферным явлениям; к области духовной культуры, образования, государственного строительства, свойственных отношений; к ряду областей хозяйственной жизни, а именно к животноводству и товарно-денежным отношениям» (с. 183). Далее М. А. Мукимова приходит к выводу, что «башкиры вступали с финно-угорскими народами главным образом в хозяйственно-бытовые отношения» (с. 183). Можно добавить, что среди финно-угорских заимствований в башкирском языке заметную долю составляют отражающие природные особенности северного лесного края — места обитания восточнофинских народов.

Каждая глава завершается корректными и обоснованными выводами; общие итоги подведены в «Заключении» (с. 184—187).

У рецензента возникли некоторые замечания и вопросы к автору.

1. Многие положения могли быть точнее, а отдельные этимологические выкладки надежнее, если бы автор использовала следующий круг публикаций и источников: 1) труды зарубежных ученых (Ю. Вихманна, Х. Паасонена, М. Рясненна и др.) о влиянии некоторых тюркских языков на финно-угорские; 2) новейшие этимологические словари русского языка; 3) мордовский этимологический словарь, составленный и изданный В. А. Вершининым в пяти выпусках (2004—2011), автор называет лишь первые два; 4) самый полный и весьма надежный трехтомный этимологический словарь уральских языков UEW, составленный Карою Редеем.

2. В ряде этимологических статей приводится несколько гипотез о проис-

хождении рассматриваемого башкирского слова без отношения к ним автора исследования. Так, 1) *кэрэз* 'соты' имеет, судя по данным Н. А. Мукимовой, следующие варианты этимологий: а) «считается заимствованием из финно-угорских языков» (Н. Х. Ишбулатов и М. Х. Ахтямов, Э. Ф. Ишбердин, Р. Г. Ахметьянов, А. А. Саваткова и др.); б) мар. *карас*, *караш*, *кәрйиш*, удм. *карас* — из чувашского (Ю. Вихманн, Н. И. Исанбаев); в) чув. *карас*, тат. *кэрэз*, башк. *кэрэз* 'соты', наоборот, являются заимствованиями с финно-угорской стороны (М. Рясанен); г) «по своему происхождению это слово в финно-угорских языках является древним индоевропейским заимствованием» (Н. И. Исанбаев, В. Г. Егоров, Н. Р. Федотов) (с. 79) — в итоге без своей аргументации Н. А. Мукимова относит слово к марийским заимствованиям в башкирском языке (с. 132); 2) башк. *йөн* 'шерсть, руно, волос', по данным Н. А. Мукимовой, а) или является удмуртским заимствованием, ср. удм. *гон* 'пух, шерсть' (Н. Х. Ишбулатов, И. В. Тараканов, Р. Ш. Насибуллин), б) или имеет «древнетюркское происхождение от *йүн*, *йүнц*; *юпан* 'шерстяная подкладка под вьючное седло', *йүн* 'перо птицы, шерсть, пух'» (с. 72) — вердикт без объяснений в «Выводах ко второй главе»: «общеурало-алтайское наследие» (с. 151); 3) *киле* 'ступа': а) «должно быть заимствовано из финно-угорских языков еще в древности» (Э. Ф. Ишбердин); б) «от общетюрк. *кили/киллэ* 'ступа, толкушка', якут. *кэли*, *кэлиш*; саян. *һөлүкэ* 'ступа', каз. *киле*, *кәллә* 'мялка, ступа', сиб. тат. *кейле* 'большая деревянная мялка', ср. венг. *kölii*, *köjlii*² 'мялка, ступа, дубина'» (Әхмәтъянов 2001 : 104) (с. 74) — на каком основании это слово в итоге оказалось среди пермских заимствований в башкирском языке (с. 126), рецензенту не совсем понятно.

² Мне трудно судить, точно ли фонетически приведены слова тюркских языков, но венгерские в таком начертании не удалось обнаружить в соответствующих справочниках. В цитируемом Н. А. Мукимовой этимологическом словаре татарского языка (Әхмәтъянов 2001) часто встречаются погрешности в передаче иноязычных форм.

3. Башк. *лапы* 'валежник; участок леса, покрытый валежником; бурелом, чаща' автор рассматривает как марийское заимствование (< *луно* 'куча хвороста, валежник'); ср. также тат. *лапы* 'валежник', *лапылык* 'густой лес; место в лесу, покрытое валежником' и др., по мнению И. С. Насипова (2009a : 67), к этому корню (*лап-*) восходят и татарские диалектные производные «с переносным значением»: *лапы* 'изношенный, истрепанный, старый; старье, обноска, лохмотья; беспорядок, безалаберность', *лабылык* 'грязь, нечистоплотность, неуютность'. В говорах же башкирского языка, по мнению автора, обнаруживаются следующие производные от *лап-* (и вариантов?): *лапы* 'сор', *лапы-лопо* 'мусор', *ласбык*, *луқы*, *луптыр* 'неряха', *лапылау* 'устраивать беспорядок', *лүперт* 'грязь', *лыпыртык* 'грязный', *лыпы* 'неаккуратная, мешковатая одежда', *лапсыу* (*ер*) 'низина, низменность', *лапы* 'топкое место; грязь', *лапта* 'широкий', *ләпан* 'плащмя', *ләпкес*, *ләпкәс* 'низина, болотистое место', *ләпек* 'топкое место', *ләшә* 'болотистое место' (с. 88—89). У рецензента к этой этимологии имеются по меньшей мере два замечания: 1) если извлечь из приведенных «производных» предполагаемые производящие корни (*лап-*, *лоп-*, *лас-*, *луқ-*, *луп-*, *лүп-*, *лып-*, *ләп-*, *ләш-*), получается, что в башкирских диалектах корневой гласный при словообразовании (если приведенные слова в деривативном отношении действительно связаны друг с другом) может чередоваться чуть ли не с любым другим гласным: *-а-* ~ *-о-* ~ *-у-* ~ *-ү-* ~ *-ы-* ~ *-ж-*, а финальный согласный корня — с самыми разными, даже с весьма далекими по фонетическим свойствам, согласными: *-п-* ~ *-с-* ~ *-к-* ~ *-ш-*. Если это так, это должно быть расшифровано для читателя; 2) судя по представленным материалам, *лапы* имеет широко разветвленную сеть производных как в башкирских, так и в татарских диалектах, мар. *луно* же — в деривационном плане в т. н. языке-источнике изолированное слово. При таком раскладе скорее мар. *луно* является тюркским заимствованием, нежели наоборот.

4. Ряд этимологических параллелей (башк. < ф.-у.) в работе фонетически не обоснован, например, 1) башк. *леп* 'подражание быстрому легкому движению' ~ ср. коми *лэбны* 'лететь', мар. *лыве* 'бабочка' (Н. Х. Ишбулатов); удм. *лобаны* 'летать' (Н. Х. Ишбулатов, И. В. Тараканов) (с. 90) — не подтверждена реальность звукосоответствия башк. *е* ~ удм. *о* (~ коми *э*, мар. *ы*) на других лексических параллелях; 2) из-за инлаутных *-р-* ~ *-й-* едва ли можно поставить в один этимологический ряд башк. *тырыз* 'кузовок, кузов, короб из бересты', тат. *тырыс* 'кузовок, кузовок из бересты', чув. *тйрәс* 'род бурака', с одной стороны, и удм. *туйыс* 'туесок; туесок из бересты' (от *туй* 'береста' с суффиксом *-ыс*) (с. 109—110, 134), с другой: чередование (корреспонденция) *-р-* // *-й-* для удмуртского языка не характерно, а башк. (тат., чув.) *-р-* < удм. *-й-* не доказано привлечением других башкирских заимствований из удмуртского языка. В данном случае, по всей вероятности, необходимо согласиться с И. С. Насиповым, но лишь в том, «что *туйыс* и *тырыс* две самостоятельные лексические единицы», но не в том, что «обе заимствованные из финно-угорских языков» (Насипов 2009а : 78) (с. 110): наличие формы *тырыс* 'кузовок из бересты для ягод' в восточномарийских диалектах и *тырыс* 'бурак из бересты', по моим данным, еще и в кукморском диалекте удмуртского языка, т. е. в наиболее тюркизированных диалектах восточнофинских языков, свидетельствует скорее о тюркском происхождении варианта на *-р-*; к тому же башк. *тырыз* и тат. *тырыс* имеют, по мнению Р. Г. Ахметьянова, далеко идущие связи в других тюркских языках (с. 110); 3) как по фонетическим, так и по семантическим основаниям невозможно этимологически увязать друг с другом такие гетерогенные уральские слова, по мнению автора (с. 94), «изобразительного характера», как морд. *мазы*, *мази* 'красивый' (КЭСК 179; UEW 697), мар. *музо*, *мызе* 'рябчик' (UEW 271), марГ *мызыр* 'мозаичный', *пыз-*, *ваз-*: *вазиш*, *вазиш* 'писать' (? КЭСК 56), коми *пас*, удм. *пус* 'знак, метка' (КЭСК 217), коми *писти* 'оспа',

удм. *пужы* 'узор, вышивка' (? UEW 346), коми *мич* 'краса', *мича* 'красивый и др.' (КЭСК 172; UEW 274), нен. *мэцай* 'разукрашенный' (UEW 274), приведенные автором для этимологизации башк. *мазай* (*-ыу*) 'ласкаться' (с. 93—94).

5. Как явствует из примера (уральские «соответствия» к башк. *мазай*(-)), искомое башкирское слово автор нередко возводит к нескольким этимологически не связанным корням не только разных финно-угорских языков, но и одного и того же восточнофинского источника, например: 1) башк. *бот* 'бедро, ляжка, бедренная кость' < а) удм. *пыд* 'нога' (Н. Х. Ишбулатов, И. В. Тараканов); (?) < б) удм. *пот* 'лебеда' (о разном происхождении этих слов см. КЭСК 223 *пыд* и 230 *пот*); 2) возведя башк. *кэртэ* 'шест, жердь; изгородь, ограда, загородка; хлев' к удм. *карта* 'хлев, огороженное место', и сославшись на М. Р. Федотова, автор приводит и удм. *кар* 'гнездо; городище, город' — однако как сам М. Р. Федотов (1996 : 232—233 (*карта*) и 227—228 (*кар*), так и В. И. Лыткин (КЭСК 116—117 (*кар*), 117—118 (*карта*)) разводят эти слова по разным этимологическим гнездам; 3) башк. *ләпәкәй* и др. 'мошка, мошकारа' Н. А. Мукимова этимологически соотносит, наряду с другими финно-угорскими формами, и с такими удмуртскими словами, как а) *ләпег* 'мелкий' (точнее: 'низкий') (Н. Х. Ишбулатов); б) *нымы* '(маленькая) бабочка' (точнее: 'мошка, мелкое насекомое') (Р. Г. Ахметьянов); в) *лобаны* 'летать' (М. Р. Федотов, А. А. Саваткова) (с. 92), как в фонетическом, так и этимологическом отношении ничего общего между собой не имеющими.

6. Автор вслед за своим научным руководителем (Насипов 2013б : 70) неверно толкует происхождение удм. *пушмульы* 'орех' как сложение *пуш* 'внутренний' и *мульы* 'ягода, плод' (с. 95, 179), хотя финно-угорские этимологические словари видят здесь сочетание ныне самостоятельно не употребляющегося в удмуртском языке *паш-* ~ *пуш-* 'орех' < финно-перм. *päškz то же, ср. фин. *pähkinä*, мордЭ *pešče*, мар. *pükš* 'орех', удм. *paš-pu* 'орешина' (*pu* 'дерево'), *puš-mul'i* 'орех' (*mul'i* 'ягода; орех') (UEW

726—727); см. также КЭСК 217. Этимологию удм. *пуш* 'внутренний; внутренность' см. КЭСК 237.

Тут уместно заметить, что ряд неточностей обусловлен некритическим использованием материала из работ отдельных авторов, которые порою иноязычные формы дают с погрешностями в орфографии языка-источника или транслитерации на кириллической графической основе.

Разумеется, в таком сложном и трудоемком исследовании, как работа Н. А. Мукимовой, можно найти неточности и неувязки. Однако высказанные замечания в основном носят дискуссионный или рекомендательный характер и имеют цель уточнить или предложить иные возможные направления дальнейшего осмысления некоторых

проблем. Автору есть, как мне кажется, над чем работать. Исследование имеет теоретическую и практическую значимость не только для башкирского языкознания, но и для финно-угроведения и конкретно удмуртского языкознания: материалы могут быть использованы при написании учебных пособий по современной и исторической лексикологии удмуртского и других финно-угорских языков, составлении этимологических словарей, чтении вузовских курсов по контактологии и т. д.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

Address

V. K. Kel'makov
Udmurt State University
E-mail: vkkelmakov@mail.ru

Сокращения

башк. — башкирский; **доперм.** — допермские языковые состояния (финно-перм., ф.-уг., ур.); **каз.** — казахский;

общетюрк. — общетюркский; **саян.** — саянский; **сиб. тат.** — язык сибирских татар; **якут.** — якутский.

ЛИТЕРАТУРА

- Бу ты л о в Н. В. 2005, Тюркские заимствования в мордовских языках, Саранск.
- И с а н б а е в Н. И. 1989, Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1. Татарские и башкирские заимствования, Йошкар-Ола.
- — 1994, Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований, Йошкар-Ола.
- Лу ко я н о в Г. В. 1973, Марийские заимствования в чувашском языке, Чебоксары.
- На си п о в И. С. 2009а, Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке, Казань.
- — 2009б, Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования в татарском языке, Стерлитамак.
- — 2013а, Языковые контакты в Волго-Камье. Мордовские заимствования в татарском языке, Тобольск.
- — 2013б, Языковые контакты в Волго-Камье. Удмуртские заимствования в татарском языке, Уфа.
- От ку п щ и к о в Ю. В. 2005, Из истории индоевропейского словообразования, Москва.
- Та ра ка н о в И. В. 1981, Иноязычная лексика в современном удмуртском языке, Ижевск.
- — 1982, Заимствованная лексика в удмуртском языке. Удмуртско-тюркские языковые контакты, Ижевск.
- — 1993, Удмуртско-тюркские языковые контакты. Теория и словарь, Ижевск.
- Ф е д о т о в М. Р. 1996, Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1. А—Р, Чебоксары.
- Ш е л е п о в а Л. И. 2007, Русская этимология: теория и практика, Москва.
- Ә х м ә т ь я н о в Р. Г. 2001, Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, Казань.
- C s ú c s, S. 1990, Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen, Budapest (Bibliotheca Uralica 10).